

«ЗОДИАК»

и его гости

Литературная
Страница

Анатолий Прядкин

Следующая встреча членов
литературного объединения «Зодиак»
состоится 1 ноября

КАТАСТРОФА

«Это самая масштабная
и непонятная авария в мире»
Сергей Шматко

Саяно-Шушенская ГЭС
На Енисее
Теперь, как будто Божий крест,
Для всей Рассеи.

Как много отдано труда,
И все напрасно...
Прет енисейская вода
Мазут и масло.

Прет слезы женщин и мужчин,
(Держись, плотина!).
Прет светом электрочин,
Прочь с глаз, рутина.

Прет всем расчетам вопреки,
Ломая планы,
И вдоль реки, как поплавки,
Плывут баланы...

О, время! Где же твой прогресс?
Неужто крепок?
Нет даже времени в обрез
Уйти на небо.

Саяно-Шушенская ГЭС
На Енисее
Теперь, как будто Божий крест,
Для всей Рассеи.

Для всех, отживших век свой ТЭЦ,
Для всех АЭС,
Для всех, еще живых сердец,
Хранящих честь.

Людмила Бондарь

ПРЕДАНЬЕ СТАРИНЫ НЕ СТОЛЬ ДАЛЕКОЙ

Грестили имение помещика Никанора
Ивановича Тропинина. Тащили все: инкрустированную мебель, золотые подсвечники, посуду из купидонами, зеркала в кружевной оправе слоновой кости. Из гардеробов валились вороха одежды, мехов.

Множество грубых сапог, опорок, лаптей давило, крушило, топтало остатки чужой роскошной и непонятной жизни. Под тяжестью ног, поскользывающихся на замызганном, недавно еще сиявшем блестящем паркете, хрустели куски тонкого фарфора, цветного с металлическими блестками венецианского стекла. Выпавшие из конвертов листки с гербовыми оттисками, засушенные фиалки, завиток младенческих волос — все безжалостно обнажалось в дневном, беспощадном в своей открытости свете, щедро изливавшимся сквозь голые, с оборванными гардинами окна.

Мария с мужем сидели в светелке за столом. Она печально и недвижно смотрела перед собой. Иван, обхватив голову здоровенными ручищами, застыл в горьком молчании.

— Ой, че делается! Набежали! Тащут все, че ни попадя. Мам, тятя, глядите!
Пятнадцатилетняя дворовая девчонка, родители которой служили у бар, сколько себя помнили — да и сама она — то в кух-

не толкалась, то в покоях прибиралась — побывала на разоре и соблазнилась — таки, привхватила кое-что из хором барских. Всего два хрустальных стаканчика в ажурных подстаканниках да цветочную вазу в оправе из двух оленьих фигурок, стоявших в ортростистой серебряной траве. Их высокие рога касались золоченых ветвей, обвивавших горловину, еще более подчеркивая рубиновую прозрачность стекла. Девочка, любящая изысканной вещицей, выше приподняла вазу. Солнечные лучи пронизали тонкое стекло и ярким светом упали на руку, которая оказалась Марии в этот миг будто в крови. Строго и скорбно взглянула она на дочь. Акулька собразила, что своей добычей вызвала недоловство матери, и оторопело застыла посреди комнаты. Отец грохнул по столу кулачищем и вышел из хаты. Акулька отца не очень-то любила — любимицей его была. Сильнее побаивалась матери за ее неизменную приверженность к порядку и соблюдению церковных правил-заповедей, беспрекословного выполнения которых требовала и от дочери.

— Неси назад. Ни к чему нам это.
— Мам, хоть книжку-то оставлю!
Она положила перед матерью книгу в кожаном переплете. Буквы полпыли в лицо — «Обрыв». Слово колнуло Марию в сердце. Холод разлился в груди. Она не представляла жизни своей без забот и радений

Фото А.Тернова

Юрий Воронин

Не за славу!

Не бродили мы по Пикадили,
Не влюблялись в парижский туман.
Мирно жили. Со всеми дружили,
Не любуюсь красотами Канн.

Полыхнула война над Европой.
Лишь Россия за всех поднялась.
И «катушами» в тысячах копий
Защищалась Советская власть!

И не «чистенький» Павлик Морозов
На расстрельный пошел пулемет,
А гвардеец — сержант Матросов.
Не за славу — за русский народ!

Сотни подвигов! Тысячи жизней!
Не за Третьим мемориал.
Под цветущей берлинской вишней
Маршал Жуков мир принимал!

Не бродили мы по Пикадили,
Не гуляли в парижских садах.
Воевали за мир, тем и жили.
Победили и горе, и страх.

Степан Васин

Поиск зла

Мне не сказали, что такое «хорошо»,
Меня кормили ненавистью к «плохо».
Глотнув добра, я в гнев все еще
И требую, чтоб все плохое сдохло.

Кого прощать, терпеть или любить?
Кто искренен в минуты покаянья?
Мой поиск зла решил меня судить,
Отдав таким, как я, на растерзанье...

Виктор Ивашков

Жизнь пролетает

Жизнь пролетает, как в забеге-спринте,
И я, признаться, этому не рад.
И годы скрылись в сложном лабиринте,
Где невозможно повернуть назад.

Ориентир ищущим пытливым взглядом,
Стремясь дорогу верную найти,
И, кажется, что выход где-то рядом,
А подойдешь — преграда на пути.

А так хотелось оказаться в детстве,
Увидеть матери иконный лик,
И материнской лаской отогреться,
И перед ней заплакать, как кулик.

А в памяти умильно и отрадно
Вплетать в узоры лет далеких нить.
Но даже нить прекрасной Ариадны
Не может нас к началу возвратить.

**И памятник
воздвигли
рукотворный**

27 августа в городе Ступино, на улице Пушкина, рядом с кинотеатром «Пятый элемент», состоялось торжественное открытие памятника Пушкину. В исполнении ансамбля скрипачей прозвучала музыка Свиридова из кинофильма «Метель», снятого по одноименной повести Александра Сергеевича. Стихи великого русского поэта звучали в этот день в исполнении членов детского литературного объединения «Роднички». Читал Пушкина и Глава района П. И. Челпан.
На снимке: памятник Пушкину, скульптор Р. С. Тимохин.